

Глава 15. Прорыв

Здесь причал, конечно, не мог тягаться со столичным, однако судов тут теснилось немало. На фоне серой речной глади так и кипела жизнь: у весов суетились рыбаки, сдавая свежий улов. Слышались громкие голоса, шел бойкий подсчет товара — взвесил, расплатился, разошлись. Горы даров моря тут же разбирали: часть грузили на пузатые речные баржи, готовые двинуться вверх по реке вглубь материка, а оставшуюся часть набивали в телеги, чтобы побыстрее доставить в близлежащие города.

Сыюань невольно вспомнил, как когда-то в столице лакомился свежей морской рыбой, ценившейся на вес золота. Теперь, глядя на здешнюю суету, он понимал, каких трудов это стоило. Везти улов до столицы приходилось почти два месяца, да еще и умудриться довести рыбу живой — задача из разряда невыполнимых. И как только торговцам удавалось проворачивать подобное?

Под палящими лучами солнца грузчики обливались потом, но не сбавляли шагу. Юноша нахмурился, размышляя: неужели за время пути целая лодка рыбы не превратится в зловонную жижу? Или на этих судах есть какое-то хитрое приспособление, спасающее груз от гниения?

— Брат Чжан, знакомься, это мой названный брат, Шэнь Сыюань. Хочет к нам на работу наняться.

Да Ню дружески подтолкнул приятеля в спину, но его «легонько» едва не заставило хрупкого юношу пропахать носом землю.

«Понежнее можно?» — мысленно взмолился Сыюань, с трудом удержав равновесие.

Чжан Ман недоуменно замер. С первого взгляда было ясно, что никакие они не братья — ни лицом не сошлись, ни статью. Этот паренек — точнее, молодой мужчина с уродливым шрамом — выглядел чересчур хрупким и низкорослым. Кожа у него была белая-белая, совсем не похожая на обветренные, дубленые солнцем лица рыбацких детей. Да что там, он был бледнее любой местной барышни. А шрам на щеке явно оставило холодное оружие.

«Непростой малый, — смекнул бригадир. — С таким свяжешься, потом хлопот не оберешься. Зачем мне лишние неприятности?»

— Ха-ха, Да Ню, ты что, издеваешься над старшим? — Чжан Ман по-дружески похлопал верзилу по плечу. — С его весом он и полмешка не подымет. Уж извини, брат, уважил бы тебя, да только не жилец он на нашей работе. Не могу я его взять.

Он хотел показать, что дело не в личной неприязни, а в здравом смысле: этот заморыш просто не выдержит портовой пахоты.

Да Нью сник. Честно говоря, еще вчера, когда бабушка предложила пристроить Сыюаня на причал, он понимал, что затея сомнительная. Сыюань слишком слаб для тяжелого труда.

Однако сам Шэнь Сыюань унывать не думал. Отказ Чжан Мана ничуть его не задел. Еще по дороге сюда он прекрасно понимал, что таскать мешки не сможет. И все же пришел — и теперь убедился, что поступил правильно.

Здесь крутилось множество судов. Пусть прямые рейсы в столицу случались редко, рано или поздно нужный корабль причалит к этим берегам. Главное — пробраться на борт. А когда он окажется в столице... кое-кому мало не покажется.

Значит, сейчас цель одна — зацепиться здесь любым способом.

— Брат Чжан, я хоть и ростом не вышел, зато сообразительный, — вкрадчиво заговорил Сыюань. — Мешки ворочать мне, конечно, не под силу, но я могу бегать на посылках, доставлять записки, разносить вещи. Согласен на меньшую плату! Главное ведь, чтобы человек был полезным, верно?

Через этот причал проходили десятки людей, а значит, и новостей здесь оседало немало. Сыюаню было плевать на заработок, его интересовала информация.

С этими словами он попытался изобразить заискивающую улыбку. Но на его изуродованном лице эта гримаса выглядела жутковато.

— Верно, верно! — закивал Да Нью, восхищенный тем, как складно стелет его приятель.

— Хм... — Чжан Ман прищурился, разглядывая паренька.

«Какое уродство», — промелькнуло у него в голове.

Но следом накатила совсем иная, странная мысль:

«И какая же, черт возьми, красота...»

В облике юноши причудливо переплелись две крайности, рождая странное, завораживающее чувство. Левая половина лица была безупречной и нежной, как цветок, а на правой раскинулся безобразный шрам, похожий на жирную шевелящуюся стоножку. Смотреть на это увечье не хотелось, но взгляд так и тянулся обратно.

— Грамоте обучен? — спросил Чжан Ман.

Сыюань уже открыл было рот, чтобы ответить, но вовремя спохватился. Расплывшись в глуповатой улыбке, он затараторил:

— Куда там! Букв не знаю, в школе отродясь не хаживал.

На самом деле на душе у него скребли кошки. Он заметил учетчика, ведущего записи на весах, но понимал, что Чжан Ман никогда не доверит такую работу безродному калеке со шрамом.

Мастер Чжан вновь окинул его пристальным взглядом. Неграмотный? Это слегка не вязалось с его утонченным обликом.

— Семья-то чем промышляет?

Лицо Сыюаня осталось бесстрастным, но в глубине глаз промелькнули тоска и жгучая обида.

— Лавка у нас была... купеческая семья.

«Ого, — отметил Чжан Ман, поймав перемену в его настроении. — Кажется, тут целая драма».

— Своя лавка — это солидно, — вслух произнес он.

Однако в голове закрутились сомнения: если семья зажиточная, почему сына не отдали учиться? Даже мелкие торговцы в городке из кожи вон лезли, чтобы отправить сыновей в школу.

Юноша опустил голову, но жилы на его шее натянулись, как струны. Голос зазвучал глухо, растеряв былую веселость:

— Матушка рано преставилась. А отец... отец души не чаял в моем младшем брате, которого ему мачеха родила.

Слыша очередную версию биографии своего друга, простодушный Да Ню даже не усомнился. В его голове мгновенно сложился пазл: злая мачеха извела пасынка, тот сбежал из дома, попал в бурю на море и чудом выжил.

Чжан Ман нахмурился. Признание юноши звучало искренне — особенно концовка, которую тот выплюнул едва ли не сквозь зубы. И все же причал не был приютом для сирот. Этот заморыш действительно не годился для работы. Чжан Ман не взял бы его, даже если бы тот пообещал вкалывать даром. Не хватало еще, чтобы бедолагу придавило тяжелым тюком — отвечать потом перед властями! Да и на посылках он вряд ли угонится за шустрим Да Ню.

— Сам видишь, — вздохнул Чжан Ман. — Нет у меня для тебя работы. Не со зла отказываю, просто не сдюжишь ты. Пообедаешь сегодня на кухне за мой счет, а к вечеру возвращайся с Да Нью в деревню.

Услышав окончательный приговор, Да Нью совсем повесил нос. Он переводил взгляд с понурого Сыюаня на непреклонного бригадира. Что же делать? Может, занять денег, помочь Сыюаню починить крышу, а тот пусть собирает на берегу ракушки да выброшенную мелочевку на продажу? Копейки, конечно, но с голоду помереть не даст.

Сыюань глубоко вздохнул.

«Твою мать! — мысленно взбеленился юноша. — Я тут перед ним распинаюсь, а этот боров уперся рогом!»

От досады он не сдержался и прижал ладонь к правой стороне лица. Шрам, который давно затянулся, вдруг занял тупой, пульсирующей болью.

Когда ладонь Сыюаня закрыла правую сторону лица со шрамом, открытой осталась лишь безупречно красивая левая половина. Она выглядела настолько нежной и изящной, что Да Нью потрясенно ахнул.

Заметив это, Сыюань недоуменно убрал руку и увидел ошарашенное лицо великана и странный, заигравший новыми красками взгляд Чжан Мана.

— Ладно! — вдруг пошел на попятную бригадир. — Так и быть, оставайся.

Мужик, который только что твердо стоял на своем, внезапно передумал. Чжан Ман круто развернулся и поспешил прочь, словно позорно спасался бегством.

— Эй, Да Нью, ты чего? — Сыюань повернулся к Да Нью, который стоял с совершенно потерянным и каким-то виноватым лицом. Работа ведь в кармане, чего этот детина застыл с таким видом, будто съел что-то несвежее?

Отрезанный от своих мыслей великан вздрогнул и забормотал, запинаясь:

— Да так... ничего. Пойду я, за работу пора приниматься!

Он бросился наутек, на ходу вытирая холодный пот. В голове вертелась дикая, пугающая мысль: «Почему Сыюань показался мне краше, чем Хуанли из нашей деревни?» От этого открытия здорового детину посреди жаркого лета прошиб озноб. Как можно сравнивать парня — такого же мужика, как он сам — с девкой, да еще и находить его красивым?!

Сыюань стоял перед разделочной доской, все еще с трудом осознавая происходящее. Его определили на кухню... помощником повара. Тот, кто за всю свою изнеженную жизнь ни разу не заглядывал на кухню, теперь стоял с тяжелым тесаком в руке и тупо гипнотизировал гору белой редьки.

Чжан Ман выделил ему ежедневный расчет: три медных гроша в день и бесплатный обед. При мысли об этих несчастных трех монетах Сыюань скрипнул зубами. Три гроша?! Да проще было сразу сказать, что работать придется за спасибо!

— Чего застыл, лоботряс?! Живее, чтоб к обеду вся корзина редьки была нарезана!

Жирный повар, заметив, что новый задохлик прохлаждается с первой же минуты, недовольно зыркнул на него и со звонким стуком опустил тяжелый половник прямо Сыюаню на макушку.

От неожиданного удара юноша едва не нырнул головой в кипящий котел. Поняв, что шутки кончились, он принялся яростно кромсать сочные корнеплоды. Но не успел он войти во вкус, как над ухом снова свистнул воздух, и очередной удар заставил его мозги содрогнуться.

— Полегче лупи, калека! Раздолбаешь мне доску — вычту из твоего жалованья! — гаркнул повар и отвернулся к шкворчащему чану.

Получив по кумполу дважды, Сыюань засунул свою гордость поглубже и не проронил ни звука. Деваться некуда: Чжан Ман ясно дал понять, что если повар останется недоволен и выставит его вон, то и работы ему не видать.

Впрочем, кухонная каторжка имела свои плюсы. Махать ножом все же легче, чем надрывать спину на причале, да и свободного времени, чтобы собирать слухи, здесь оставалось побольше.

Сгребая неровные, кое-как искромсанные куски редьки, Сыюань вывалил их в огромный казан. Масло обиженно зашипело, обволакивая овощи. Повар ухватил тот самый черпак, которым только что охаживал его по голове, и принялся невозмутимо помешивать варево из редьки и вяленой рыбы.

«Какая же здесь антисанитария», — с тоской подумал Сыюань.

Под аккомпанемент сочного поварского мата Сыюань опрокинул в котел миску с мясом.

— Тьфу, да что ты за безрукий такой! Собака зубами аккуратнее нагрызет, чем ты нарезал! Еще раз увижу такое позорище — вылетишь отсюда пинком под зад!

Мурлыча под нос незамысловатый мотивчик, повар мешал варево огромным половником, не забывая поливать своего помощника отборной бранью.

«Да какая разница? Главное, чтобы проварилось, — раздраженно рассуждал он про себя. — Подумаешь, великий кулинар! Будто если я из этой редьки лебедя вырежу, она на вкус станет как деликатес. В желудке все равно все перемешается».

К вечеру гомон на причале поутих. Сыюань зажал в кулаке три жалкие монеты и уныло потер затекшие плечи. От усталости и бессилия глаза предательски защипало. Деньги, чертовы деньги... Если вкалывать здесь за гроши, он до конца дней не накопит на дорогу до столицы. Это же чистое издевательство!

Вежливо отказавшись от приглашения Да Ню отужинать у него дома, Сыюань поплелся к своей полуразрушенной хижине без крыши. Да Ню уверял, что солома стоит копейки, и через пару дней они смогут скопить на ремонт. Стоит выкроить свободный денек, и великан поможет ему перекрыть крышу — тогда никакие ливни будут не страшны.

Но у небесной канцелярии были свои планы. Посреди ночи Сыюань проснулся от того, что по лицу хлестали холодные струи. Ливень хлынул внезапно, без малейшего предупреждения, промочив его до костей.

Сушеные припасы, что сердобольные деревенские жители надарили ему на новоселье, теперь плавали в грязных лужах. Сыюань утер заливавшую глаза воду, едва сдерживая слезы разочарования. Делать нечего, придется снова идти на поклон к Да Ню.

Взвалив на плечи отсыревшие пожитки, Сыюань побрел сквозь глухую ночную темень под проливным дождем. Ремонт крыши определенно больше не терпел отлагательств.

То ли его изнеженное тело за последнее время успело привыкнуть к тяготам, то ли просто повезло, но, несмотря на ночное купание под ледяным дождем, наутро Сыюань проснулся бодрым и здоровым.

А за окном продолжало лить. Непогода означала одно: работы на причале не будет. А без работы не видать ему и бесплатного обеда на кухне. Остатки его подмоченных припасов теперь сушились на столе у Да Ню, наполняя тесную комнату удушливым запахом соленой рыбы.

Впрочем, у затяжного дождя был свой плюс — долгожданная прохлада. Сыюань твердо решил занять у Да Ню немного денег на солому. Ломиться среди ночи к соседям и пугать бедного парня ему больше не хотелось.

Ненастье утихло лишь к вечеру. Да Ню наотрез отказался брать Сыюаня с собой на рынок —

мол, тот ходит слишком медленно и только время теряет. В итоге великан отправился за соломой один. Прошел почти час, небо уже затянуло звездным ковром, когда Да Ню наконец вернулся.

В бледном лунном свете Сыюань заметил вдали странный, медленно приближающийся черный силуэт, похожий на огромный копошащийся шар. Глаз юноши нервно дернулся: «Что это еще за чудище?»

Неведомая сфера двигалась неторопливо. Поборов страх, Сыюань сделал несколько шагов навстречу и с облегчением выдохнул. Это был Да Ню. Он тащил на плечах колоссальную, ростом с него самого, вязанку соломы. Сноп был перевязан на совесть. Сыюань потрогал стебли — сухие и шуршащие. Сам же великан промок до нитки, потерял где-то по дороге левый башмак, и его грязные пальцы теперь сиротливо торчали наружу.

— Да Ню, — выдавил Сыюань, — где тебя носило столько времени?

Да Ню сгрузил солому на относительно сухой пяточок у дороги, утер рукавом пот со лба и добродушно улыбнулся:

— Да прослышал я, что на западной окраине солома куда дешевле. Вот и решил прогуляться. Гляди, тут не только на крышу хватит, еще и на циновку останется! Я сам тебе ее сплету, дело нехитрое.

На окраине солома и впрямь стоила гроши, так что за те же деньги Да Ню надеялся выгадать приятелю еще и на подстилку. И пускай пришлось сделать приличный крюк, для выносливого деревенского парня лишняя миля не была крюком.

— Ты чего такой пришибленный? — спросил Да Ню, заметив, как застыл его спутник.

Сыюань молча, во все глаза смотрел на него. В его взгляде читалось нечто сложное и глубокое. Наконец он тихо спросил:

— Да Ню, а о чем ты больше всего мечтаешь? Чего ты хочешь от жизни?

Великан озадаченно почесал затылок. Мечта? Подумав немного, он совершенно серьезно ответил:

— Да сейчас одно желание — поскорее тебе крышу настелить, лечь спать и завтра работу не проспять.

«М-да... Я его о высоком спрашиваю, а он... Ладно, проехали», — мысленно покачал головой Сыюань.

Он развернулся и потащил прислоненную к стене лестницу, которую они одолжили у соседей. В душе Сыюаня теплилась мысль: будь у Да Нью какая-то грандиозная мечта, он бы расшибся в лепешку, но помог ее исполнить. Сделать его богачом, устроить на государственную службу или еще чего почище. В конце концов, он все-таки второй молодой господин из дома премьер-министра. Пусть и сын от наложницы, но все же плоть от плоти великого рода. Если ему удастся вернуться в столицу, он сполна отблагодарит Да Нью за доброту.

Впрочем, позже великан все-таки признался, что больше всего на свете мечтает жениться на деревенской красавице Хуанли. Ради этого он и гнул спину на причале, откладывая каждый грош.

Сыюань сопоставил копеечные заработки грузчика с амбициями Хуанли, которая явно метила повыше деревенских парней, и благоразумно промолчал. Такая вертихвостка явно была простодушному Да Нью не по зубам.

К тому моменту, когда они закончили латать крышу, первые лучи солнца уже окрасили морской горизонт. Мечта Да Нью поскорее лечь спать сбылась лишь наполовину: парень прямо там же, у хижины, рухнул на кучу неиспользованной соломы и мгновенно захрапел. О плетении циновки, разумеется, и речи не шло — времени не оставалось, да и на работу сегодня великан вряд ли бы успел подняться. Скорее всего, придется пропустить смену.

Сыюань, не смыкавший глаз всю ночь, не чувствовал усталости. Он отправился к морю. Подставив лицо нежному утреннему бризу, юноша брел по влажному песку, собирая дары отлива: крошечных крабов, диковинные ракушки и прочую мелкую живность, которую можно было выгодно продать в городке.

Наполнив ведро копошащейся морской добычей, он отнес улов бабушке Нью, а сам поспешил обратно к своему скромному убежищу.

Поначалу он подумывал приготовить улов сам, но в его лачуге не нашлось ни котелка, ни дров, ни даже огнива. Есть рыбу сырой — верный способ заработать несварение желудка, так что он отказался от этой затеи.

Улегшись на свежую, пахнущую полем солому, Сыюань устался в новый потолок. На душе у него было на удивление легко и спокойно.

Кто бы мог подумать, что спать на охапке сухой травы окажется куда приятнее и слаще, чем на роскошной кровати из холодного нефрита в отцовском поместье.

В последующие дни Сыюань продолжал бездельничать на кухне причала, попутно пытаясь выудить хоть какие-то крупницы новостей из больших городов. Увы, о столице здесь никто и слыхом не слыхивал.

За все время ему не попало ни одного судна, державшего курс на столицу или хотя бы на

крупный торговый центр.

Сыюань обреченно вздыхал. Эта глухая провинция была слишком далека от большого мира.

В стерильной тишине лаборатории беззвучно мигали красно-синие индикаторы. Несколько андроидов с безупречно смоделированной внешностью слаженно и методично выполняли свою работу.

На их лицах блуждали мягкие, благожелательные улыбки, а взгляд казался живым и выразительным. Лишь редкие изумрудные вспышки в глубине зрачков выдавали их неорганическую природу.

Среди них выделялся один, совершенно не похожий на остальных. Робот R1 с предельным бесстрашием на лице шагнул внутрь сферического летательного аппарата. Это было первое задание, порученное ему Создателем с момента сборки.

Его творцом был легендарный доктор Т — гениальный, но невыносимо эксцентричный ученый, чье имя гремело по всей галактике. Доктор Т создал бесчисленное множество мыслящих машин, но R1 твердо знал: он — венец творения, самый уникальный экземпляр.

И теперь Отец возложил на него колоссальную ответственность.

Задачей R1 было совершить пространственно-временной прыжок и отыскать энергетический кристалл. Робот прекрасно знал, о чем идет речь. Точно такой же редчайший артефакт сейчас покоился в его собственной груди.

Этот энергетический кристалл был единственным в известной вселенной источником столь колоссальной мощности. Доктор Т каким-то непостижимым образом сумел интегрировать его в энергетическую систему андроида.

Создатель предупредил его, что это строжайшая тайна: если о кристалле узнает кто-то посторонний, беды не миновать.

В отличие от рядовых собратьев, R1 не нуждался в регулярной зарядке энергии. Запас его сил казался безграничным — потенциала энергетического кристалла должно было хватить на десятки тысяч лет бесперебойного функционирования.

И все же Отец снабдил его биологической надстройкой — полноценной системой пищеварения, способной расщеплять большинство органических и неорганических веществ, преобразуя их в чистую энергию.

И пускай при наличии вечного реактора эта функция казалась избыточной, сам R1 не считал ее бесполезной.

Она позволяла ему разделять трапезу с Создателем. Робот чувствовал, что Отец слишком одинок в этом мире.

Истинный возраст доктора Т оставался загадкой. Генная инженерия давно раздвинула границы человеческой жизни, но казалось, будто доктор Т существовал всегда, еще с тех незапамятных времен, когда со сборочных конвейеров сошли самые первые примитивные роботы.

Череда столетий, великие потрясения и опустошительные межзвездные войны стерли хроники ушедших эпох, укутав фигуру ученого плотным саваном тайн.

Он был человеком-загадкой, патриархом искусственного интеллекта, которого до дрожи в коленях опасался генералитет. Творец, шепотом называемый бессмертным... пугающим монстром.

Но для R1 Отец не был монстром. Робот порой задумывался: а не является ли его создатель таким же искусственным существом?

Ведь задания, которые поручал ему Отец, разительно отличались от рутинной работы остальных машин.

Доктор Т осторожно вскрыл грудную пластину андроида и поместил внутрь сияющий чип из синего кристалла. Стоило контактам сомкнуться, как чип мгновенно синхронизировался с банком памяти R1. Назначение этой детали оставалось для робота загадкой, но доктор Т произнес с особой торжественностью:

— Запомни, R1. Этот чип — твое истинное «я». Самое ценное, что у тебя есть. Пока он цел, ты бессмертен.

«Бессмертие?»

Для мыслящей машины это слово звучало непривычно. Но следом в его электронном разуме зародился другой, куда более сложный вопрос:

«А можно ли назвать бессмертным того, кто никогда по-настоящему не жил?»